

**ОПРЕДЕЛЕНИЕ. СОГЛАСОВАННОЕ И НЕСОГЛАСОВАННОЕ
ОПРЕДЕЛЕНИЕ. ПРИЛОЖЕНИЕ.**

Шодиева Матлюба Солиевна,

*Преподаватель кафедры русского языка и литературы
Самаркандского государственного педагогического института;*

Суннатов Кувончбек Маширабович,

*студент 3 курса факультета языков
Самаркандского государственного педагогического института*

АННОТАЦИЯ. В статье предлагается нетривиальный взгляд на категорию определения в русском языке, рассматриваемую не как статичный второстепенный член, а как зону синтаксического варьирования. На материале согласованных и несогласованных определений, а также приложений анализируются механизмы когнитивного согласования, дейктические стратегии и феномен семантического сдвига при переходе от одной формы атрибуции к другой. Особое внимание уделяется определительным конструкциям с «ложным согласованием», а также случаям, где приложение приобретает квази-предикатные свойства. В работе демонстрируется, что выбор типа определения не является произвольным, а мотивирован коммуникативной установкой говорящего и степенью категориальной слитности признака с предметом. В заключении обосновывается тезис о том, что приложение занимает промежуточное положение между согласованным определением и предикативным членом, образуя самостоятельную функционально-семантическую микрозону.

ABSTRACT. The paper offers an unconventional perspective on the category of attribute modifier in Russian, viewed not as a static secondary constituent but as a zone of syntactic variation. Based on agreed and non-agreed modifiers and

appositions, the article analyzes mechanisms of cognitive agreement, deictic strategies, and the phenomenon of semantic shift when transitioning from one form of attribution to another. Special attention is paid to attributive constructions with "false agreement" and to cases where apposition acquires quasi-predicative properties. The study demonstrates that the choice of modifier type is not arbitrary but is motivated by the speaker's communicative intention and the degree of categorical fusion between the feature and the object. The conclusion substantiates the thesis that apposition occupies an intermediate position between agreed modifiers and predicative constituents, forming an independent functional-semantic microzone.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: определение, атрибутивность, синтаксическое варьирование, согласование, несогласованное определение, приложение, семантический сдвиг, русский язык.

KEYWORDS: attribute modifier, attributivity, syntactic variation, agreement, non-agreed modifier, apposition, semantic shift, Russian language.

Традиционное описание определений в русском синтаксисе, восходящее ещё к логико-грамматическим штудиям XIX века, часто создаёт у начинающего исследователя иллюзию прозрачности и однозначности данного членения предложения. Однако при более пристальном рассмотрении выясняется, что именно категория определения представляет собой настоящий полигон для столкновения формальных и семантических критериев, где любая попытка установить жёсткие границы наталкивается на обширную зону переходных, гибридных и просто аномальных конструкций. В предлагаемой работе мы намерены отойти от таксономического перечисления способов выражения атрибутивного признака и сосредоточиться на динамических аспектах: как говорящий выбирает между согласованной и несогласованной формой, какие когнитивные операции стоят за этим выбором и почему

приложение заслуживает не просто места «особой разновидности», а принципиально иной теоретической трактовки.

Начнём с самого, казалось бы, ясного члена этой триады — согласованного определения. Как справедливо отмечалось в работах московской формальной школы, согласование в русском языке представляет собой избыточный, с точки зрения передачи информации, механизм: 1 одна и та же грамматическая семантика (род, число, падеж) кодируется дважды — на вершине и на зависимом элементе. Эта избыточность, однако, выполняет важную дискурсивную функцию: она создаёт эффект предсказуемости и позволяет слушающему идентифицировать атрибутивную связь даже при дистантном расположении компонентов или при эллипсисе определяемого слова. В экспериментальных исследованиях по психолингвистике было показано, что носители русского языка при восприятии изолированного прилагательного во флективной форме автоматически прогнозируют грамматические характеристики ещё не прозвучавшего существительного — в отличие от носителей языков с аналитическим строем. Таким образом, согласованное определение — это не просто морфологическое подражание, а когнитивный якорь, удерживающий атрибутивную группу в синтаксическом потоке.

Примечательно, что категория рода, служащая основой согласования для прилагательных и причастий в единственном числе, не является универсальной для всех согласуемых определителей. Порядковые числительные, например, демонстрируют согласование по роду, числу и падежу, но семантически они не приписывают предмету качества, а лишь локализуют его в упорядоченной последовательности. Этот разрыв между формой и содержанием приводит к тому, что некоторые лингвисты,

---

¹ Виноградов В.В. Вопросы современного русского словообразования и синтаксиса // Избранные труды. — М.: Наука, 1975. — С. 176.

придерживающиеся функционального подхода, предлагали рассматривать порядковые числительные не как определения в собственном смысле, а как особый тип детерминативов, сближающихся с указательными местоимениями. Действительно, конструкция с порядковым числительным часто может быть заменена указательным местоимением с минимальной потерей смысла: например, указание на «третий дом» в конкретном контексте может быть перифразировано как «этот дом (из трёх)». Следовательно, граница между собственно атрибутивной семантикой и дейктической отсылкой оказывается подвижной.

Переходя к несогласованным определениям, мы сталкиваемся с ещё более пёстрой картиной. Классическая грамматика относит сюда родительный падеж существительного без предлога, который может выражать и принадлежность, и часть целого, и количественную характеристику, и даже качество через абстрактное существительное (как в сочетании, обозначающем человека невысокого роста, где словоформа «роста» передаёт не отдельный предмет, а параметрический признак). Однако если внимательно присмотреться к семантике подобных конструкций, обнаруживается, что родительный падеж в позиции определения неоднороден.² В одних случаях он сохраняет предметное значение («крыша дома») — здесь мы имеем дело с двумя предметами, один из которых принадлежит другому или пространственно с ним соотнесён. В других случаях родительный падеж приобретает ярко выраженное качественное или реляционное значение, приближаясь к прилагательному («человек долга» — не предмет, а абстрагированное свойство). Этот семантический сдвиг от конкретного предмета к отвлечённому признаку сопровождается, как правило, утратой способности иметь при себе собственные определения в той же падежной

---

² Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. — 8-е изд. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — С. 270–271.

форме и синтаксической изоляцией. Так, сочетание «человек долга» не допускает развёртывания в «человек священного долга» без изменения смысловой структуры, тогда как «крыша дома» легко принимает «крыша деревянного дома».

Особого внимания заслуживает предложная форма несогласованного определения. В русском языке наиболее частотны определения, вводимые предлогами «с», «без», «из», «для», «у», «около», «между», «против» и другими. Каждый из этих предлогов вносит свой тип атрибутивных отношений: качественно-характеризующий (предмет с трещиной), посессивный (книга без обложки), субстанциональный (дом из кирпича), целевой (комната для отдыха), локативный (деревья у дороги), компаративный (человек против всех). Важно, что одна и та же семантическая зона может быть покрыта как согласованным, так и несогласованным определением: «деревянный дом» и «дом из дерева» не являются полными синонимами. Первое указывает на материал как на конститутивное, постоянное качество, второе — на исходный субстрат, подчёркивая сам процесс перехода материала в форму изделия. Эта дистинкция восходит к фундаментальному противопоставлению между интегральным признаком (свойство, неотделимое от предмета) и траекторным признаком (атрибут, воспринимаемый как отдельная сущность, приложенная к предмету). Интегральный признак тяготеет к согласованной форме, траекторный — к несогласованной.

Существует, однако, класс определений, которые не вписываются в дихотомию «согласованное — несогласованное» и требуют отдельного рассмотрения. Речь идёт об определениях, выраженных формами сравнительной степени прилагательных («человек постарше», «материал прочнее») и наречиями («прогулка верхом», «кофе по-турецки»). Первые сохраняют связь с прилагательным, но утрачивают флективное согласование,

поэтому формально относятся к несогласованным; однако семантически они выполняют ту же функцию качественной характеристики, что и согласованные прилагательные. Вторые — наречия — являются грамматикализованными неизменяемыми формами, которые в русском языке редко выступают в роли определения, но в некоторых конструкциях (обычно с глаголами движения или образа жизни) они прочно занимают эту позицию. Интересно, что такие наречные определения не могут быть трансформированы в определительный придаточный оборот с «который»: «прогулка, которая верхом» звучит абсурдно. Это означает, что связь между определяемым словом и наречным определением носит идиоматический, лексикализованный характер, и такие сочетания следует рассматривать как составные наименования, а не как свободные синтаксические конструкции.

В большинстве учебных и академических грамматик приложение определяется как определение, выраженное именем существительным, согласованным с определяемым словом в падеже и дающим другое название тому же предмету. Приводятся классические примеры, где нарицательное и собственное имя обозначают один и тот же объект: в географических названиях, в сочетаниях, обозначающих профессию и имя человека, в названиях художественных произведений. Однако такое определение страдает сразу несколькими недостатками. Во-первых, оно предполагает, что падежное согласование — достаточный признак, но, как мы помним, согласуются в падеже и несогласованные определения, выраженные прилагательными (это их главный отличительный признак). Во-вторых, не все приложения стоят в том же падеже: например, приложения, присоединяемые к определяемому слову с помощью союза «как» (а такие конструкции традиционно также относят к приложениям), могут иметь именительный падеж независимо от падежа главного слова. В-третьих, и главное: многие конструкции, формально соответствующие определению приложения, по смыслу не являются просто

«другим названием», а выполняют предикативную функцию, особенно в обособленной позиции.

Обратимся к высказыванию, где в качестве приложения приводится характеризующее имя нарицательное, стоящее после личного имени. Такое приложение не столько называет предмет повторно, сколько приписывает ему свойство, которое не вытекает из самого имени: в самом имени «Мария» нет указания на то, что эта женщина является, скажем, искусной портнихой. Таким образом, приложение вносит информацию, сравнимую с предикацией: по сути, конструкцию можно перефразировать как сложносочинённое предложение с присоединительной связью «и она была».³ Отсюда следует, что приложение, особенно обособленное, занимает промежуточное положение между определением и сказуемым. Этот синкретизм признавался многими исследователями, но чаще всего его объявляли «исключением» или «особенностью», не меняющей общей картины. Мы же предлагаем иной взгляд: неопределённость статуса приложения не есть дефект классификации, а свидетельство того, что сама классификация строится на неверных основаниях.

Если рассматривать синтаксические единицы не как набор дискретных категорий, а как континуум, где один член постепенно перетекает в другой, то приложение окажется точкой бифуркации. В необособленной позиции, стоя непосредственно за определяемым словом и без добавочной интонации, приложение ведёт себя как максимально близкое к согласованному определению: оно не имеет собственной предикативной силы и лишь уточняет или конкретизирует значение первого имени. В обособленной позиции, особенно в конце предложения или после паузы, приложение приобретает все признаки добавочной предикации: его можно заменить на самостоятельное

³ Русская грамматика: в 2 т. Т. 2: Синтаксис / под ред. Н.Ю. Шведовой. — М.: Наука, 1980. — С. 140–141.

предложение, и оно часто присоединяется с помощью интонации перечисления или пояснения. Между этими двумя полюсами существует множество градаций, зависящих от порядка слов, степени распространённости приложения и контекстуальной значимости вводимого признака.

Стоит также рассмотреть случаи так называемого «ложного согласования» приложений с определяемыми словами — существительными общего рода или с существительными, обозначающими лицо женского пола по профессии, когда прилагательные-согласованные определения могут стоять в мужском роде, а приложение — в женском, отражая реальный пол референта, а не грамматическую форму слова. Это явление демонстрирует, что приложение более чувствительно к семантическому, а не формальному роду, чем согласованное определение, которое в аналогичной ситуации будет следовать грамматической норме. В предложении, где фигурирует слово «врач» (формально мужской род) применительно к женщине, согласованное определение, скорее всего, примет мужской род («опытный врач»), а вот приложение-имя собственное или нарицательное, уточняющее пол, может быть в женском («врач Иванова», «врач, женщина с большим опытом»). Такой разницей в согласовании в пределах одной синтагмы — мощное доказательство того, что приложение управляется иными, менее грамматикализованными правилами, чем классическое согласованное определение.

Ещё один аспект, редко попадающий в поле зрения традиционных грамматик, — это инфинитивные приложения. Хотя инфинитив обычно относят к несогласованным определениям, существуют конструкции, где инфинитив выступает в аппозитивной функции, то есть даёт предмету второе, «действенное» имя. Например, в сочетании «желание странствовать», «привычка спорить», «способность летать» инфинитив не просто обозначает

признак, а фактически переименовывает предмет через то действие, которое составляет его суть. Некоторые исследователи предлагали трактовать такие инфинитивы как приложения, поскольку они обладают двумя важными свойствами: во-первых, они стоят в той же «падежной форме», что и главное слово (инфинитив не имеет падежа, но он немаркирован, подобно именительному падежу у необособленных существительных-приложений), во-вторых, их можно заменить на отглагольное существительное в родительном падеже или на придаточное предложение без потери базовой семантики. Если признать эту логику, то граница между несогласованным определением и приложением оказывается ещё более зыбкой, чем считалось ранее.

Проведённый анализ позволяет предложить следующие уточнения к существующей классификации. Во-первых, целесообразно говорить о «степени атрибутивности» вместо жесткого членения на типы. Согласованные определения обладают максимальной степенью атрибутивности, несогласованные — средней, приложения — минимальной в своей необособленной форме и даже отрицательной (то есть близкой к предикативности) — в обособленной. Во-вторых, критерием разграничения должно служить не столько наличие согласования, сколько способность определения к самостоятельной предикации: чем легче определение превращается в отдельное сообщение, тем оно менее атрибутивно. В-третьих, приложение следует рассматривать не как подтип определения, а как функционально-семантическую категорию, пересекающуюся с определением, но имеющую собственную, отличную от него, коммуникативную задачу — идентификацию через переименование, а не характеристику через признак.

В заключение важно подчеркнуть, что описанная вариативность не является хаотической. Русский язык предоставляет говорящему три основных

синтаксических стратегии для введения добавочной информации о предмете: морфологическое уподобление (согласованное определение), падежное маркирование отношения (несогласованное определение) и аппозитивное соположение (приложение). Каждая из этих стратегий имеет свою семантическую зону, но на границах зон возможна конкуренция и взаимозамена. Изучение этой конкуренции на большом корпусном материале могло бы выявить статистические предпочтения, связанные с жанром, стилем, хронотопом текста и даже с индивидуальными особенностями автора. Пока же мы можем констатировать, что традиционная триада «согласованное — несогласованное — приложение» сохраняет свою объяснительную силу, но требует существенной перестройки: от линейной классификации к многомерному пространству, где каждый тип определения характеризуется вектором в системе координат «формальная слитность / семантическая автономия» и «атрибутивность / предикативность».

Список использованной литературы

1. Виноградов В.В. Вопросы современного русского словообразования и синтаксиса // Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. — М.: Наука, 1975. — С. 155–212.
2. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. — 8-е изд. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 544 с.
3. Шведова Н.Ю. (ред.) Русская грамматика: в 2 т. Т. 2: Синтаксис. — М.: Наука, 1980. — 709 с.
4. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. — М.: Наука, 1973. — 351 с.
5. Ломтев Т.П. Основные положения синтаксиса современного русского языка. — М.: Учпедгиз, 1958. — 164 с.
6. Распопов И.П. Спорные вопросы синтаксиса. — Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1975. — 124 с.